

Ярыгин к званию не стремился. И получил его просто так, практически в подарок.

Жена у него была Леночка, когда-то с одной ямочкой, кажется, на левой щеке.

Была и дочка Верочка, за которую он бы отдал всю оставшуюся жизнь, а имелось её в запасе пока вроде много – шёл ему только двадцать первый год.

Он вышел на платформу метро «Беляево». Тут всё было настолько спокойно, что он сразу подумал о Верочке.

В своё время, как и остальные одноклассники, не поступившие сразу после школы на философский факультет МГУ, как он, в МГИМО и Вышку, он больше всего увлекался девушками.

Леночка была чудесно пухленькой, весёлой и с зелёными волосами. Когда Ярыгин сообщил ей, что его всё-таки забирают в армию, она почему-то очень удивилась. А потом сказала:

– Лёва. Я, как настоящая, тебя дождусь.

– Спасибо тебе, – Ярыгин, у которого с ней уже всё было, неказисто, но несколько раз, посмел её только погладить по зелёной голове кончиками пальцев. – Спасибо, Леночка!

Армия была такая же неказистая и без особого смысла.

Сначала Ярыгина, в основном, водили строем по плацу Таманской дивизии, у него попадать в нужный такт получалось лучше всех, потом сделали командиром отделения и обещали представить к званию сержанта. Но почему-то с этим тянули и довольно часто на что-то намекали.

Намёк он понял окончательно, когда его вызвали в кабинет особиста, майора Коваленко.

– Украини любишь? – спросил узколицый Коваленко.

Ярыгин ответил не сразу:

– Я Родину люблю.

– Угу. Долго думаешь?

– Как умею.

– Ха-ха, – сказал майор, делаясь ещё уже лицом. – Вот у меня была тёща...

– Умерла, что ли? – посмотрел Ярыгин в сторону.

– Да типун тебе на язык, рядовой, ещё всех нас переживёт. Только она теперь в Австралии. Это не положено, конечно, но она же бывшая?

– Товарищ майор, а можно уже не про тёщу?

– А ты сметливый, если даже не поглядеть.

– Какой есть, – Ярыгину стало совсем скучно.

– Ладно. Хочешь в Кремле служить?

– Так там все только ходят.

– Ходят, ага. А потом, знаешь, куда мы тебя отправим? С перспективами!

– Не хочу.

– Ну и дурак.

Рядовым он и вернулся – безо всяких перспектив.

Зато Леночка его дождалась, вместе с трёхмесячной Верочкой, их дочкой.

Как раз умерла бабушка, мама его мамы, любившая Лёву почему-то больше всех, даже больше рыжего шпица Роттердама, по-простому Роди, доставшегося Ярыгину вместе с бабушкиной однокомнатной в наследство.

Рядом с домом, ближе к лесу, располагалось двухэтажное, с колючей проволокой по забору сверху учреждение ФСИН, вроде временной тюрьмы.

Ярыгин думал к ним зайти насчёт работы, но что-то ему там не показалось, и он пошёл чуть дальше, через две дороги, в ОВД.

Тут тоже была колючка, но всё выглядело повеселее. Он постучался в дверь проходной и вошёл.

– Тебе чего, гражданин? – спросил его сержант из-за стекла.

– Работу ищу.

– Тогда проходи. Кабинет восемнадцать. На втором этаже. Но потом не жалея.

Майор в отделе кадров совсем не походил на давнего особиста. Был искренне Ярыгину рад и бесконечно вежлив.

– лейтенанта получишь через три месяца, курсы пройдёшь ускоренные, а пока походишь сержантом.

– Так я ж рядовой?

– Это у вас там, – махнул рукой майор, видимо, в сторону армии, – а у нас тут мы сами решаем, кто есть кто. И фамилия у тебя подходящая. Пистолет Ярыгина у нас только офицерам выдают, да и то выборочно. Вот и стремись.

Пока Ярыгин ходил на дежурства в звании сержанта, ему полагался потёртый пистолет Макарова, ПМ.

Как-то у прапорщика Ялова, выдававшего перед дежурствами оружие и патроны под роспись, он спросил:

– А можно «Ярыгина» подержать?

Прапорщик хмыкнул:

– Тебе – можно, – и вынул из железного шкафа у себя за спиной второй пистолет. Без обоймы. Заодно прибрал с прилавка и обойму от ПМ. Ярыгин про себя эту предусмотрительность прапорщика отметил.

Он подержал в руках пистолеты. «Ярыгин» оказался тяжелее и угловатее. И вернул оба, собираясь уходить.

– Поймай, ты куда? Тебе же покой граждан охранять! – прапорщик забрал только «Ярыгина», а ПМ положил на прилавок, вернув и обойму к нему.

Ярыгин снарядил пистолет и поставил на предохранитель.

– Только помни... – почесав левое ухо правым мизинцем, сказал Ялов. – Ты уж там особо не стреляй!

Ярыгин шутку понял, пистолет убрал в кобуру, уже прицепленную к ремню, руку занёс за спину и нащупал наручники – всё было в порядке.

Курсы он закончил успешно, даже с поощрением в виде грамоты от начальника районного ОВД, и стал лейтенантом.

К зарплате вышла небольшая прибавка, в остальном мало что изменилось – как заступал он дежурить по станции «Беляево», так и продолжил. Правда, формально у него в

подчинении теперь находилась пара сержантов, но их всегда недоставало. Так что ему и самому приходилось больше не сидеть в дежурке, а патрулировать станцию. Да, и ещё у него в кобуре теперь был «Ярыгин».

В дежурке он расписался за принятие поста. Попрошался за руку с лейтенантом Си-луановым, которого сменял, и поздоровался с немного опоздавшим, как всегда, сержантом Лучниковым – им вдвоём и предстояло в ближайшие двадцать четыре часа охранять покой пассажиров метро.

– А ты за кого болеешь? – спросил вдруг Лучников.

– Не за «Динамо», – бросил Ярыгин.

– Да я тоже за «Спартак», – немного обиженно ответил сержант.

Тему Ярыгин поддерживать не стал:

– Давай пока я пойду, – сержант в ответ кивнул.

И Ярыгин спустился на платформу.

Думать о дочке ему всегда было приятно. В отличие от жены Леночки, о которой в последнее время если и думалось вдали от дома, то больше с раздражением, да и называл он её всё чаще про себя не Леночкой, а просто «женой», дома же и вовсе обходясь без лишних обращений.

Охлаждение его к жене случилось сразу после свадьбы, которую справили скромно, дома, пригласив лишь ближайших родственников и немногих оставшихся друзей, и только усугублялось. Ямочка на её щеке тоже пропала.

Дежурил Ярыгин на своей станции, как и положено, сутки через трое, так что на дом времени оставалось изрядно. И лучше всего ему было в эти три свободные дня, когда он – жена, наставляя, помогала – укладывал Верочку в коляску, брал на поводок рыжего, радостно прыгавшего вокруг ног Родю, и они шли гулять – исключительно так, втроём.

В остальное время он послушно делал что-то по хозяйству, если просили, а потом усаживался в бабушкино кресло у окна и перечитывал Чехова из серого двенадцатитомника, – когда-то он брал их по одному тому у бабушки, всю жизнь проработавшей учительницей литературы в школе, как в библиотеке: прочитанный возвращал, меняя на следующий. Или, если жена слишком часто отвлекала, откладывал книгу, надевал наушники и слушал Шевчука.

– Я выброшу, наконец, это дурацкое кресло! – регулярно раздражалась жена. Ярыгин не спорил, но и не соглашался, потому что кресло напоминало о бабушке, которую, как он теперь понимал, он тоже очень любил, к тому же в этом кресле по ночам спал Родя, иных мест не признавая.

Буквально сразу, в одночасье после свадьбы, Леночка утратила приятную пухлость, приобретя излишнюю округлость, хотя и всё время «садилась» на разные новые диеты, ни одной так и не выдержав до конца, так что толку от них не наблюдалось.

Но с этим Ярыгин ещё бы смирился, если б характер жены не менялся в худшую сторону, вплоть до полного взаимонепонимания, – особенно это стало заметно, когда Ярыгин получил звание.

Он не сразу, а постепенно, лишь по неосторожным её косым взглядам и вскользь брошенным репликам, понял: жене всё глубже и безотрадней не нравится, что он всерьёз стал полицейским. Видимо, поначалу она думала, что его служба – лишь временная уступка обстоятельствам, до лучшей жизни, но увидев его первый раз с лейтенантскими погонами, поняла с ужасом, что это если и не навсегда, то уж точно надолго. Ей, похо-

же, очень не нравилось быть женой полицейского, а перед подругами она этого даже стыдилась – однажды, случайно, Ярыгин услышал, как она сказала по телефону: «Вот уж никогда не думала, что буду спать в одной постели с ментом!»

И если б не Верочка, то после таких слов Ярыгин безжалостно выгнал бы жену обратно к её родителям на «Спортивную».

Но Верочка, Верочка...

На платформе народ регулярно и ритмично загружался в поезда, кто в ту, кто в другую сторону, а Ярыгин оставался, то внимательно, то едва скольльзящим взглядом поглядывая на мелькавших перед ним людей. Чуть дольше его взгляд задерживался на лицах симпатичных девушек и женщин, иногда даже спускаясь к их коленкам. Для себя он это объяснял просто – не мог же он всё время думать о Верочке, а хорошее женское лицо или красивые коленки отвлекали от мыслей о жене и засевшей в затылке холодной боли: как же им жить так дальше?

Девушку со строгим бледным лицом он увидел, когда та ещё только спускалась на эскалаторе.

Бледность её и отрешённую горскую красоту подчёркивал серый шёлковый платок, скрывавший не только волосы, но даже лоб почти до тонких тёмных бровей. А глаза у неё были зелёные и холодные, как успел заметить Ярыгин, пока она не опустила взгляд вниз, как раз сойдя на платформу.

Юбка на ней тоже была серая, до пят, и ещё спортивная тёмно-синяя ветровка с капюшоном, наглухо застёгнутая под самое горло.

Сходу Ярыгин подумал, что она просто беременная – ветровка довольно заметно округлялась на животе, но его тут же и сильно смутило то, что и бока у неё оказались слишком выдающимися, что никак не вязалось с её в целом хрупкой фигурой.

Часы над тоннелем показывали 11.14.

Девушка недалеко прошла по платформе и остановилась, глядя в кафельную стену.

Ярыгин, держась ближе к противоположной платформе, не торопясь, но быстро прошёл дальше и, отвернувшись к подходящему поезду, быстро проговорил в рацию:

– Сержант! Подмени меня. Следую за подозрительной. На связи.

Подошёл и её поезд. Она села в третий вагон, Ярыгин – в четвёртый, откуда третий, за отсутствием столпотворения, уже схлынувшего, сейчас хорошо просматривался.

Девушке уступили место на крайнем диванчике. Ярыгин прислонился спиной к ближайшим от неё дверям своего вагона: отсюда она постоянно оставалась в поле его зрения, он же не мог ей быть виден, разве что она бы посмотрела за своё левое плечо – но она глядела прямо перед собой, всё так же отрешённо и, возможно, не замечала в противоположном окне даже собственного отражения. Зато Ярыгин мог теперь спокойно рассмотреть её в профиль. И заметил, что его не портил даже довольно крупный нос с небольшой горбинкой. Губы её были плотно, едва ли не до белизны сжаты, а низ подбородка скрывал серый платок.

Девушка Ярыгину всё больше нравилась, хотя он и заставлял себя время от времени отводить от неё взгляд.

И едва не пропустил момент на «Шаболовской», когда она, буквально за несколько секунд до того, как над дверями замигал красный сигнал, резко поднялась со своего места и вышла из вагона.

Ярыгин выскочил из своего, когда двери уже зашипели, – ему даже пришлось придержать их руками.

На платформе он сделал несколько нарочито задумчивых шагов в сторону тупика станции и лишь затем обернулся: девушка как раз достигла подножия эскалатора.

Он оказался на его ступенях, когда та поднялась вверх примерно до середины.

Между ними ехал вверх лишь один человек, но как раз на пути взгляда Ярыгина. Далеко вверху он, наконец, решил ускориться и успел обогнать девушку. Ярыгин же ещё раз убедился, что бока её совсем, ну совсем не соответствовали фигуре, даже если она сильно беременна.

Девушка вышла, поднялась по ступенькам к «Макдональдсу» и остановилась у ближайшей скамейки.

Снаружи оказалось не по-сентябрьски промозгло.

Ярыгин завернул за угол станции и стал прохаживаться туда-сюда, изображая обычного постового. И даже успел помочь интеллигентной пожилой женщине в розовом берете с её тяжёлой сумкой на колёсиках.

К девушке тем временем подошёл чернобородый человек без усов и сходу громко замахал руками. Она его сначала спокойно выслушала, но ответила, похоже, довольно резко – тот даже сразу опустил руки по швам. Потом, сцепив пальцы на животе, принялся ей что-то доказывать, но уже гораздо спокойнее.

Ярыгин посмотрел сквозь стекло внутрь станции: сразу за рамками, левее турникетов, стояли двое полицейских примерно одинакового роста и вполне крупной комплекции.

Но задерживать девушку и бородатого пока не было ни малейшего явного повода: мало ли что Ярыгину померещилось? Да и людей, всякой разноцветной молодёжи напротив «Макдональдса» клубилось слишком много. Тем не менее, Ярыгин осторожно опустил ладонь на кобуру, но тут же руку отдернул, будто кобура оказалась обжигающе горячей.

Между тем, девушка и чернобородый продолжали о чём-то уже сдержанно, но оживлённо спорить. Девушка в какой-то момент, видимо, забывшись, коснулась ладонями своих выпуклых боков, но отдернула руки так же мгновенно, как чуть раньше Ярыгин свою от кобуры.

И тут вдруг Ярыгина в самое сердце кольнула ревность. На которую, он, конечно, не имел ни малейшего права.

Он снова глянул сквозь стекло: оба полицейских внимательно, передавая друг другу, рассматривали паспорт остановленного ими щуплого нерусского парнишки – тот даже со спины выглядел очень несчастным.

И морок Ярыгина исчез сам собой.

Но он ясно понял, что обратно в метро девушку точно не пустит.

Дальше всё какое-то время развивалось стремительно.

Как только Ярыгин заметил, что площадка перед «Макдональдсом» опустела и на ней остались лишь эти двое, он тут же решительно направился в их сторону.

Ярыгина они увидели сразу оба.

Чернобородый, едва Ярыгин приблизился к лестнице, развернулся на одной ноге и поторопился исчезнуть. Девушка же, опустив глаза, сделала несколько быстрых шагов к дверям «Макдональдса» и, не оглядываясь, скрылась за ними.

Дверь ещё не успела совсем замереть, когда Ярыгин коснулся её ручки и, осторожно и медленно стеклянную дверь открыв, тоже вошёл внутрь.

Первым делом Ярыгин внимательно посмотрел в сторону раздачи, перед которой в двух небольших очередях к кассам и чуть в стороне, ожидая своего заказа, стояло

с дюжину человек. Вперемешку девочки и мальчики, но все исключительно молодые, моложе самого Ярыгина. Девушки в сером платке между ними не было. Не было её и возле высоких экранов для самостоятельных заказов.

Переводя взгляд слева направо и отметив, что за каждым столом хоть один человек, но сидит, Ярыгин увидел, что она как раз усаживается на оранжевое кресло возле высокой стойки, упирающейся в окно. Кроме неё, там никого, по счастью, не было.

Ярыгин между ближними к двери столиками, занятыми двумя, похоже, дружескими компаниями – они все довольно громко переговаривались – протиснулся к стойке и присел напротив девушки.

Она долго смотрела в столешницу, словно ещё не веря в присутствие полицейского. Наконец подняла взгляд. Зелёные её глаза по-прежнему были холодны и необъяснимо, даже обидно безучастны к происходящему.

Несколько секунд девушка и Ярыгин молча, в упор смотрели друг на друга.

Потом её бледные губы беззвучно пошевелились. Ярыгин ничего не расслышал, лишь отметил, что косметикой она совсем не пользуется.

– Положите, пожалуйста, руки на стол, – проговорил он хрипло, – ладонями вниз.

Девушка неторопливо, но послушно выполнила его просьбу: ногти у неё тоже не были покрашены, хотя и очень хорошо ухожены.

– Как тебя зовут? – услышал он уже громче повторённый ею вопрос.

– Лёва, Лев, – неожиданно для себя ответил он и по инерции сам спросил: – А тебя?

– Тамара.

Ярыгин молча кивнул: это было почему-то самое нелюбимое для него женское имя. Хотя в случае именно с этой девушкой оно совпало с ней сразу и настолько точно, что у Ярыгина аж похолодело где-то в районе левой лопатки.

– Ты грузинка? – с тайной надеждой спросил он.

– Нет, я балкарка, – она сделала паузу, похоже, задумавшись, надо ли такое говорить, и всё же произнесла, немного заученно: – Но мы же все для вас на одно лицо.

– Ну знаешь, – огрызнулся Ярыгин, – голландца от немца ты сама тоже на взгляд не отличишь. – Тамара в ответ кивнула и даже впервые улыбнулась самыми кончиками чуть порозовевших губ, но тут же улыбку спрятала, словно изумившись её очевидной нелепости, и сдвинула брови.

– Ты беременна?

– Нет, – ответила Тамара быстрее, чем он ожидал.

Краем зрения Ярыгин увидел приближающегося к ним мальчика-уборщика с оранжевым совком на длинной ручке и метёлкой с голубой щетиной.

Он поманил его к себе ладонью.

Тот приблизился.

Склонившись к его уху, Ярыгин приказал:

– Позови ко мне менеджера. Быстро!

Тамара оставалась ко всему безучастна и руки продолжала держать на столе.

Менеджер, полная жизнерадостная девушка с синими волосами, чем-то похожая на сегодняшнюю жену Ярыгина, не замедлила явиться и остановилась в ожидании.

– У вас есть служебный выход?

– Да.

– Тогда закройте главный вход. Не надо вопросов! – хотя та вопросов и не задавала. – И всех посетителей и персонал выведите на улицу. Быстро! Через служебный! Быстро, но без паники.

Девушка бросила взгляд на Тамару и кивнула.

– Уважаемые гости! – раздался её громкий голос уже за спиной Ярыгина. – Пожалуйста, забираем свою еду и проходим к стойке обслуживания. Без паники. побыстрее, пожалуйста! Приносим свои извинения!

Через несколько минут стало тихо и Ярыгин с Тамарой остались одни. Ярыгин всё время смотрел на её руки, а она и вовсе, кажется, прикрыла глаза.

Он не сразу, но прервал тишину:

– Теперь ты, – она посмотрела на Ярыгина и отвела взгляд к окну, – медленно, очень медленно, правой рукой расстёгиваешь куртку.

– Я – левша.

– Хорошо, можешь левой. Тогда правую продолжаешь держать на столе. Поняла?

Тамара кивнула.

Она и впрямь очень медленно и осторожно стала расстегивать молнию, чуть задержавшись в середине, а потом до конца, и даже отодвинула в сторону левую полу ветровки.

Ярыгин привстал и склонился к ней.

Её талию окружал довольно пухлый серый пояс шириной в две ладони, завязанный на животе жёлтыми тесёмками.

– Что это? – выдохнул Ярыгин.

– Собачья шерсть. Бабушкин метод. От болей в спине, – Тамара повернулась к Ярыгину. – Разочарован? – её губы снова посетила короткая улыбка.

Промолчав в неудобной позе, Ярыгин уселся на место.

– Не могла сразу сказать?

– Ты бы всё равно не поверил.

– И то верно, – согласился Ярыгин и оглядел пустой зал ресторана. – Ну и дел мы тут с тобой натворили! Извини. Эх! – и он резко, но радостно взмахнул рукой, словно отгоняя недавний свой страх. И только тут ощутил, что спина у него совсем мокрая. Он поёжился и опустил на стол сжатые кулаки.

– А почему этот твой... бородатый убежал?

– Мукаш? – она пожалала плечами. – Просто у него нет регистрации. Я ему как раз с ней обещала помочь.

– А ты сама?

– Стоять надоело.

Вроде бы говорить было больше не о чем.

– А мы ещё увидимся? – отчаянно попросил Ярыгин.

– Да. Хотя ты и женат.

– Это почти в прошлом. – Ярыгин прикрыл ладонью обручальное кольцо.

– Завтра. Здесь. В это же время.

Ярыгин вскинул брови.

– Без твоей дурацкой формы нас никто не узнает. Не провожай.

Он отомкнул входную дверь и выпустил Тамару. И смотрел ей вслед, пока она не скрылась в метро.

Двумя пальцами Ярыгин коснулся кобуры.

Кажется, ему начинало нравиться быть полицейским.